

в современной писателю ораторской прозе становилась все более животрепещущей. С одной стороны, становилась очевидной необходимость ориентироваться на ту аудиторию, перед которой выступал автор со своим «словом». С другой — задача ратора состояла в том, чтобы завоевать внимание и доверие слушателя, привлечь его на свою сторону.

Большинство радищевских героев обращается к своим друзьям, «сочувственникам». В качестве такого слушателя очень часто оказывается и сам автор: он вспоминает, например, речь Крестьянкина, произнесенную им при вступлении в гражданскую службу. Это именно речь, хотя произносится она не перед широкой аудиторией, а в личной беседе двух друзей. Монолог Крестьянкина приобретает черты публичной речи, предназначенной для многих, и самое обращение «мой друг» становится чисто риторическим.

Аналогичная ситуация и в главе «Крестьяцы», где любящий отец произносит свою речь о воспитании в присутствии троих слушателей: двух его сыновей, которых он также называет «друзья мои», и «чувствительного путешественника», безмолвного свидетеля сцены.

Иногда Радищев сталкивает разные точки зрения, приводя речи pro и contra. Так, в главе «Зайцово» можно проследить цельный ораторский поединок. Служивцы Крестьянкина выступают с доводами, опровергающими его «крамольные» мнения. Далее упоминается о речи Наместника, который «избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеялся, что тем разительнее убедит» непокорного подданного. Крестьянкин выступает с ответной речью, страстной и полемически заостренной. Этот эпизод можно рассматривать как осуществление принципа, предусмотренного в «Риторике» Ломоносова и названного им «расположение по разговору». «В прекословных разговорах, — писал Ломоносов, — предлагаются два спорные между собой мнения, которые двое каждый свое защищают» (Л., VII, 333). В качестве примера приводится назидательный «Разговор Эразма Роттердамского». Спокойный, размеренный тон, свойственный этому жанру, решительно не подходил Радищеву: он сталкивает не собеседников, а ораторов, спор которых приобретает широкий общественный резонанс. Несмотря на внешнее поражение, Крестьянкин выигрывает словесный поединок, причем именно потому, что его речь идет от «содрогавшегося сердца». О речи Наместника дает представление следующая фраза: «...надменность, ощущение власти и предубеждение к своему прониканию и учености одушевляло его витийство» (I, 277). Крестьянкин же, начав говорить хладнокровно, постепенно увлекается, речь его становится порывистее, и в конце концов он уже не говорит, а «вопит».

«Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, — указывалось в той же ломоносовской «Риторике», — и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ними со-